Храм Машины, расположенный в самом сердце цитадели, излучал едва сдерживаемую энергию, как будто сами его стены дышали, наполненные жизнью и разумом. Конструкция храма странным образом напоминала органическую, хотя построен он был в честь того, что являлось прямой противоположностью природе.

Большую часть зала занимали сложные и вычурные механизмы; словно гигантский коралловый риф, они множились с каждым годом, заполняя собой свободное пространство. Весь зал был погружен в тусклое, янтарного цвета свечение, и где-то на грани слышимости глухо пульсировал постоянный низкий гул.

По невообразимому переплетению проходов между механизмами перемещались, как призраки, бритоголовые техники и сервиторы, облаченные в выцветшие желтые одеяния. За тысячи лет обслуживание священных технологий превратилось для них в ритуал, истинный смысл которого был давно забыт. Но, независимо от их первоначальной функции, обряды и благословения, совершаемые над механизмами, свою задачу выполняли: единственный обитатель зала был все еще жив.

Архимагос Каэр Амаэтон, Хранитель Священного света, смотритель цитадели Гидры Кордатус.

В центре зала возвышалась усеченная пирамида, на вершине которой в резервуаре, наполненном булькающей питательной жидкостью, помещалось лицо архимагоса — все, что осталось от его органического тела. От кожи тянулась ребристая медь проводов, и импульсы, передаваемые по каждому из них, заставляли сокращаться атрофировавшиеся мускулы лица. Насыщенные кислородом питательные вещества поступали по прозрачным трубкам в остатки кровеносной системы и отдельные фрагменты коры головного мозга, большую часть которого теперь заменяли аугметика и подключенный к ней километровый лабиринт логических стеков.

Электрический импульс сообщил Амаэтону о том, что кто-то к нему обращается, и лицо архимагоса исказилось.

— Архимагос Амаэтон? — повторил магос Наицин и затянулся сигаретой с черутом. Искусственные легкие выпустили дым через отверстия в его спине, и регенерационная система зала сразу же очистила воздух от загрязнителей.

— Наицин? — неуверенно спросил Амаэтон, с трудом двигая полными губами. — Зачем ты прерываешь мое единение со священным Омниссией?

— Я принес новости о сражении.

— Сражении?

— Да, господин. Там, наверху, идет битва.

— Ах да, битва, — согласился архимагос. Наицин не стал обращать внимания на заминку в памяти Амаэтона. Уже шесть веков он был напрямую подключен к бьющемуся сердцу цитадели, и все это время он контролировал каждую операцию ее систем и деятельность гигантского лабораториума, скрытого под цитаделью. Последние сто лет он уже не мог покидать этот храм, и по мере того, как тело его постепенно дряхлело и умирало, Амаэтон все больше становился частью цитадели. Недалек тот день, когда от старика не останется ничего, кроме биоэнграмм, и те пойдут на изготовление программных карт, с которых сервиторы-рабочие будут считывать задачи и инструкции.

Наицин знал, что чувство реальности Амаэтона, и до того шаткое, в последнее время еще больше ослабло, и только изредка он мог активировать достаточно памяти, чтобы говорить с другими. Первая атака врага вызвала в нем панику, отчего сознание архимагоса вновь обрело удивительную ясность, но сейчас эффект шока практически сошел на нет.

— Сражение, — повторил Амаэтон, и какой-то из его кристаллов памяти отреагировал на это слово. — Да, теперь я вспомнил. Они пришли за тем, что мы здесь охраняем. Они не должны это заполучить, Наицин!

— Нет, архимагос, не должны, — подтвердил Наицин.

— Откуда он вообще узнали о том, что это существует?

— Не знаю, господин. Но каким-то образом им это удалось, и нам надо составить план на тот случай, если оборонительные сооружения цитадели не смогут остановить захватчиков.

Амниотическую жидкость всколыхнула рябь, на которой закачались органические останки Амаэтона.

— Нет, Наицин, захватчики не пройдут. Эта цитадель была построена лучшими военными архитекторами своего времени, и нет врага, который смог бы взять ее укрепления.

— Конечно же, архимагос, вы правы, но все равно, нам нужен план действий при непредвиденных обстоятельствах. В гвардии служат обычные люди. Плоть, кровь и кости. Органика уязвима. На них нельзя полагаться.

— Да, да, ты прав, — сонно согласился Амаэтон. — Плоть слаба, Наицин. Силой обладает только машина. Мы не можем допустить, чтобы враг захватил лабораториум.

— Как всегда, ваши слова полны мудрости, архимагос. Но уже сейчас враг приближается к укреплениям Тор Кристо, и через несколько дней они, вероятнее всего, падут.

От этой новости оплывшие черты лица Амаэтона исказились, веки задрожали от внезапной тревоги.

— А туннель, который соединяет нас с Тор Кристо? Враг знает о нем?

— Не думаю, архимагос, но если Кристо падет, туннель неизбежно будет обнаружен.

— Нельзя допустить, чтобы им воспользовался противник! — воскликнул Амаэтон.

— Да, и поэтому-то я установил подрывные заряды для его уничтожения.

— Ты сообщил об этом Вобану?

— Нет, архимагос.

— Хорошо. Вобану не понять, почему мы вынуждены так поступить. Сострадание, с которым он относится к подчиненным, может обернуться для нас катастрофой.

Казалось, Амаэтон вздохнул; после нескольких минут молчания он добавил:

— Я уже… не так силен, как раньше, Наицин. Я несу слишком тяжелую ношу.

Магос Наицин поклонился.

— Тогда позвольте разделить с вами этот тяжкий груз, архимагос. Когда враги подойдут к внутренним стенам цитадели, помимо контроля за работой всех систем, на вас ляжет огромная нагрузка по поддержанию энергетического щита. Позвольте мне принять на свои плечи часть вашего бремени.

Кожаная маска, заменявшая Амаэтону лицо, кивнула; затем архимагос прошептал, резко меняя тему разговора:

— А что с астропатами? Тебе удалось выделить вирус, из-за которого умолкли их мыслеголоса?

На мгновение замешкавшись, Наицин ответил не сразу:

— Сожалею, но нет, хотя я уверен, что ответ лежит в одном из ваших логических стеков. Скоро я смогу восстановить их способности, и мы вновь сможем посылать сообщения за пределы планеты. Это лишь вопрос времени.

— Очень хорошо. Мы должны запросить помощь, Наицин. Невозможно представить, как велики будут последствия в случае нашего поражения.

— Поражения не будет, — заявил магос Наицин, вновь склоняясь в поклоне.

К утру одиннадцатого дня осады батареи Форрикса были готовы; часть огромных орудий на новые позиции перетащили, обливаясь потом, бригады рабов, другая же часть, оживленная дьявольской силой, прогрохотала на свои места собственным ходом. Спустя всего несколько минут после того, как наблюдатели на стенах Тор Кристо заметили движение у батарей, имперские «Василиски» открыли огонь, и под шквальным обстрелом пространство перед крепостью превратилось в ад, полный огня и шрапнели.

Но только прямое попадание могло поразить цель в расширенных и углубленных траншеях, и в результате обстрела были уничтожены всего два орудия, расчеты которых погибли под смертоносным дождем из стальных осколков. Один снаряд разорвался прямо над вычурной длинноствольной гаубицей, задев ее скользящим ударом. Одержимая демонической энергией варпа, машина войны взревела в безумной ярости, разорвала сдерживавшие ее магические оковы и устроила погром в соединительной траншее, передавив четыре десятка рабов, которые тащили ее, и охранников, следивших за транспортировкой. Для того, чтобы утихомирить демона, потребовались совместные усилия Джарека Келмаура и семи колдунов его кабала, а также жертвоприношение сотни рабов; но вскоре орудие заняло свою позицию перед стенами Тор Кристо.

Понимая, что шансы поразить орудия, пока те перемещались вдоль траншей, были невелики, артиллеристы крепости попытались навести огонь на сами батареи, но Форрикс удачно рассчитал их положение, и «Василиски» не могли достать цель, расположенную так близко к возвышению, на котором стоял Кристо.

Еще три часа оглушительного грохота — и Форрикс был, наконец, доволен расположением орудий. Рабы приковали дьявольские машины к стальным плитам, служившим настилом на батареях, и спустя несколько часов после того, как солнце перевалило зенит, Форрикс отдал приказ открыть огонь.

Первые снаряды обрушились на юго-восточный фас бастиона Кейн и смели со стен его гарнизон. От взрывов раскололся рокрит, в воздух взлетели обломки серого камня величиной с кулак и удушающее облако пыли. Через несколько секунд раздался залп второй батареи, поразивший противоположный фас бастиона.

Прицел для второго залпа был взят выше, в результате чего вся стрелковая ступень была уничтожена, обращена в шквал каменных осколков, под которым погибли десятки людей.

Повсюду были кровь и крики. Уцелевшие товарищи спустили со стен вопящих от боли солдат и перенесли их во внутренний двор, где на помощь раненым бросились врачи. И минуты не прошло, как на стены посыпались новые снаряды, и бастион Кейн содрогнулся до самого своего основания.

Грохот стоял немыслимый. Майор Тедески знал: ему никогда не забыть этот невыносимый звук вражеского артобстрела, от которого грозила лопнуть черепная коробка. Батареи стреляли по

очереди, и тяжелые орудия посылали снаряды в сторону его стен с невероятной силой. Коренастый майор сменил парадную форму на куртку небесно-голубого цвета, не отличавшуюся от тех, что носили все гвардейцы его полка, — за исключением того, что пустой рукав был подвернут вовнутрь. Капитан Поулсен, то и дело вздрагивавший, стоял позади Тедески, и лицо его искажалось каждый раз, когда разрывался снаряд.

На глазах у Тедески угловая артиллерийская башня рухнула со стены, унося с собой с десяток человек навстречу смерти на скалах внизу.

— Паршиво выглядит, честное слово, — пробормотал майор.

— Сэр? — переспросил Поулсен.

Ничего, — ответил Тедески, внимательно осматривая стены. — Я хочу, чтобы все убрались отсюда. Пусть первый и пятый взводы останутся на парапете, а остальным прикажите отступить.

Поулсен передал приказ командира, с благодарностью ухватившись за повод хоть как-то отвлечься от грохота обстрела. Команду передали дальше по стене, и Тедески заметил облегчение на лицах тех, кто получил приказ отступить, и страх на лицах тех, кому выпало остаться. Земля содрогнулась от очередных взрывов, и Тедески выругался: целая секция южной стены треснула и обрушилась до самого основания. Хотя стрелковой ступени изрядно досталось при обстреле, орудиям противника понадобится еще некоторое время, чтобы пробить в стене приемлемых размеров брешь и создать под ней навал из обломков, по которому смогли бы подняться атакующие.

Осколки камня ранили тех, кто остался на стене, превращая их тела в кровавое месиво, но из опасения, что готовится эскалада, Тедески не мог оставить стену без защиты. Скорее всего, тем самым он обрек этих солдат на смерть, и чувство вины оставило привкус пепла у него на губах.

Внезапно он бросился к стене и начал взбираться по засыпанным пылью и осколками ступеням, ведущим к парапету.

— Сэр? — крикнул Поулсен. — Куда вы?

— Я встану рядом со своими людьми, — резко ответил вспыльчивый майор.

Годы службы и подчинения приказам взяли свое, и еще до того, как он осознал, что делает, Поулсен последовал по ступеням за Тедески.

Появление Тедески было встречено неровным хором приветствий; он направился в переднюю часть бастиона, без страха подставляясь под огонь вражеских орудий. Разбитый парапет

просел, лишившись нескольких метров рокритовой стены, и перед Тедески открылся ничем не заслоненный вид на происходящее внизу.

Обе батареи были окутаны клубами густого серого дыма, которые периодически пронзали огненные вспышки. Послышался визг летящих снарядов, и кто-то из гвардейцев выкрикнул ненужное предупреждение.

Залп пришелся в основание стены прямо под тем местом, где стоял Тедески, каменные обломки взлетели высоко в воздух, и майор оказался в пелене дыма. Тедески не дрогнул и, когда дым рассеялся, лишь стряхнул пыль с мундира своей единственной рукой. Как только стих гул взрыва, он крикнул:

— У наших врагов, должно быть, лихорадка. Слышите этот кашель? Может, нам стоит угостить их сладким вином?

Слова бесстрашного командира укрепили мужество гвардейцев, и батальон А Джуранских драгун ответил ему смехом и радостными возгласами.

Затем последовал еще один изматывающий час под обстрелом, который майор Гуннар Тедески и его солдаты, полные решимости, пережили, не произнеся ни слова.

Когда сумерки окрасили небо в цвет свернувшейся крови, Тедески обернулся к Поулсену и дрожащей рукой взял у своего адъютанта информационный планет. Усилием воли заставив голос звучать твердо, майор сказал:

— Прикажите орудиям внизу вступить в бой, и пусть они сотрут эти батареи в порошок.

Форрикс пробирался между воронками, изрывшими равнину, так быстро, как только позволял громоздкий терминаторский доспех; за ним следовали тридцать воинов, специально отобранные им для этой операции. Все они, как и сам Форрикс, нанесли на свою терминаторскую броню красную пыль с равнины, чтобы приглушить блеск металла, благодаря чему солдаты на стенах, вероятно, не заметят их в суматохе артобстрела.

Форрикс знал, что времени у них немного. Командир вражеского гарнизона уже наверняка понял, что орудия Железных Воинов обладали необычайной разрушительной мощью и что крепость его неизбежно падет, если батареи не будут уничтожены. А значит, он вот-вот пустит в бой свои скрытые орудия — как раз этого Форрикс и хотел. Хонсю и его отряд в сорок воинов остались ждать на передовой параллели вместе с почти шестью сотнями солдат-людей, растянувшихся на всю длину траншеи.

Момент нужно было выбрать точно. Слишком рано — и Имперские войска успеют запечатать туннели, ведущие к орудиям; слишком поздно — и от его батарей ничего не останется.

Оставшись незамеченным, Форрикс преодолел неровную пустошь и укрылся менее чем в пятидесяти метрах от входа в замаскированное углубление, где размещалась артиллерия противника. Его ветераны один за другим подтянулись к позиции под прикрытием артобстрела, грохот которого заглушил их тяжелые шаги, и приготовились ждать.

Но ждать пришлось недолго. Проблеск света и громыхание колес по рельсам свидетельствовали о том, что орудия действительно готовятся вступить в бой.

— Хонсю, — прошипел Форркс, поднимаясь на ноги и бросаясь ко входу на артиллерийскую позицию, — вперед!

Едва затих голос Форрикса, Хонсю нетерпеливо зарычал и столкнул вниз мешки с песком, баррикадой отделявшие передовую параллель от равнины. Он рванулся вперед, к подошве крутого скалистого склона; Железные Воины последовали за ним, растянувшись веером по изрытой взрывами пустоши. Позади них тысячи солдат в красной униформе выбирались из траншеи, и орудия ни на миг не прекращали огонь, обрушивая всю свою мощь на стены центрального бастиона, чтобы пробить в них брешь. Дополнительные пучки мышечных волокон в их доспехах позволили Железным Воинам далеко опередить простых солдат, которые с трудом продвигались следом в неровном свете взрывов, рассеивавших сумерки.

Было ясно, что отряд Хонсю первым достигнет крепости. Из-за задачи, которую им предстояло выполнить, такие штурмовые отряды когда-то называли Смертниками, потому что те, кто первыми бросались в брешь, обычно первыми и гибли. Смертники должны были отвлечь огонь на себя, пока остальные войска не приблизятся к крепости. Они шли на штурм бреши, чтобы ценой своих жизней дать возможность идущей за ними армии пробиться вовнутрь форта. Сотни умрут только ради того, чтобы через брешь смогли пройти десятки.

Взятие бреши штурмом всегда было кровопролитным делом из-за того, что враг точно знал, куда придется атака, но Хонсю надеялся, что артобстрел заставит имперских защитников не высовываться.

Он быстро взобрался по склону, усыпанному острыми камнями, с каждым широким шагом приближаясь к вершине. Визг летящих снарядов усилился; подняв взгляд вверх, к вечернему небу, он увидел изломанную линию парапета и огромную дыру в бастионной стене. По краям от нее вниз осыпались тонны осколков, в результате чего образовался уклон, по которому можно было подняться прямо к защитникам крепости.

— Батареи, прекратить огонь, — приказал Хонсю, добравшись до вершины склона.

На стене закричали, поднимая тревогу, и в его сторону понеслись несколько лазерных разрядов, но стрелки плохо прицелились, и выстрелы прошли выше.

Повторяя вполголоса «Железо внутри, железо снаружи» — боевой клич Железных воинов, — Хонсю дождался, пока его отряд приблизился к бастиону Тор Кристо, а затем вместе с ними бросился на брешь.

Силовой кулак Форрикса пробил грудь гвардейца, облаченного в усиленный бронежилет артиллериста, превращая всю верхнюю часть его тела в месиво из крови и костей. Взревев, автопушки «Жнец» обрушили свой огонь на артиллеристов и солдат, и на орудия брызнула кровь.

— Защитить орудия! — успел крикнуть какой-то младший офицер, прежде чем Форрикс оторвал ему голову.

Дураки. Неужели они действительно думали, что целью атаки были сами артиллерийские установки, словно у Железных Воинов не было своих в избытке?

Нападение застало имперские войска врасплох, и первые гвардейцы погибли, так и не узнав, кто нанес им удар. Охрана орудий попыталась оказать сопротивление, но через несколько секунд поняла, что этот бой не выиграть, и обратилась в бегство перед Форриксом и его терминаторами. Но старый ветеран не собирался просто так позволить жертве улизнуть. Три его воина, вооруженные «Жнецами», навели утыканные шипами стволы на цель, и смертоносный вихрь выстрелов начал косить людей десятками.

Форрикс тяжело двинулся вперед, не обращая внимания на имперские орудия и со всей доступной ему скоростью направляясь к широким воротам в склоне горы. Сигнал тревоги уже прозвучал, и ворота начали с грохотом закрываться — но недостаточно быстро: Форрикс и его отряд прорвались в помещение за ними.

Их встретил залп лазерного огня, но разряды лишь бессильно шипели, не в силах пробить толстую термнаторскую броню. По залу, похожему на пещеру, рассеялись десятки гвардейцев, но Форрикс проигнорировал яркие вспышки выстрелов и принялся за поиски механизма, открывающего ворота.

По рокритовому полу были проложены широкие рельсы, ведущие к трем огромным платформам и складам боеприпасов, над которыми располагались краны и цепные тали. Над ними он рассмотрел лестничный пролет, ведущий наверх сквозь скальный массив. Большинство солдат, защищавших пещеру, закрепились за наспех сооруженными баррикадами из ящиков и бочек. Еще одна группа укрылась за парой огромных бульдозеров и теперь вела огонь из-за их массивных желтых корпусов. Предположив, что механизм управления воротами находился рядом с этими машинами, Форрикс ринулся в атаку сквозь шквальный огонь, который его броня с легкостью отражала. Выстрелами из комби-болтеров он и его отряд достали тех, кто прятался за бортами машин, и с десяток солдат были убиты разрывными снарядами, часть которых срикошетила от обшивки бульдозеров и разорвалась с ослепительными вспышками.

Еще одна группа терминаторов занялась солдатами, охранявшими лестницу, а Форрикс тем временем обошел ближайший бульдозер спереди и расстрелял укрывавшихся за ним людей. Взрывы гранат не причиняли никакого вреда терминаторам, но вот один солдат, пригнувшись, рванулся в сторону и навел на Форрикса ребристый ствол тяжелого ружья. Заряд раскаленной добела плазмы ударил тому в грудь, в одно мгновение расплавил символы, украшавшие нагрудник, и прожег слои керамита. Форрикс почувствовал, как жар плазмы обжигает кожу, и

пошатнулся от сильного удара. Его терминаторский доспех был выкован на Наковальне Голадеса на самой Олимпии, и древний дух доспеха, столь же нечестивый, как его хозяин, отказывался так просто признать поражение. Форрикс восстановил равновесие, ударил, дробя кости, силовым кулаком в грудь солдата с плазма-ружьем, поднял изуродованное тело над землей и отбросил его в сторону, заставив описать в воздухе кровавую дугу.

Несколько очередей из болтеров и молниевые когти, лишившие своих жертв внутренностей, полностью сломили сопротивление гвардейцев. Форрикс подошел к запирающему механизму ворот и перевел рычаг блокировки в положение «открыто». Приводы ворот скрежетом отозвались на внезапное переключение, и створки вновь начали открываться. Отступив назад, Форрикс тремя выстрелами уничтожил механизм управления.

Убедившись, что в ближайшее время створки ворот не закроются, Форрикс обошел залитый кровью бульдозер; его отряд, вооруженный «Жнецами», начал расправу над уцелевшими защитниками пещеры, добивая их короткими очередями. Живых оставалось все меньше; и вот гвардейцы отступили и в панике бросились к лестнице. Тех, кто был недостаточно проворен, разорвало на части огнем из автопушек, и крики их утонули в оглушительном грохоте выстрелов. Те же, кто не погиб при первых залпах, недолго продержались — их баррикада была уничтожена всего за мгновение. Железным Воинам потребовалось лишь несколько секунд, чтобы полностью разгромить укрепления защитников, от которых теперь остались только обломки ящиков и изуродованные тела.

Одинокий, охваченный ужасом солдат внезапно выскочил из укрытия и бросился к лестничному пролету; сразу же на него нацелились три автопушки.

— Нет, — вмешался Форрикс, — этот мой.

Он выждал, пока солдат не оказался на волосок от спасения, и только тогда выстрелил. Болты попали в стену позади гвардейца, вырвав из нее огромные куски камня и вдребезги разбив несколько панелей управления. Несчастный бежал со всего духу, но все же недостаточно быстро. Он метнулся в сторону, уходя с линии огня, но хватило одного выстрела, чтобы перебить ему берцовую кость и начисто оторвать ногу ниже бедра.

Гвардеец как подкошенный рухнул на пол и заорал от мучительной боли — его нога превратилась в неровный обрубок, и оторванная часть держалась только за счет нескольких окровавленных сухожилий. Форрикс улыбнулся и, переступив через широкие рельсовые пути, подошел к своей жертве. Гвардеец часто дышал и не мог оторвать взгляд от изуродованной ноги.

— Из-за гидравлического удара через несколько секунд твое сердце будет обескровлено, — сказал Форрикс; вокс-модуль доспеха заставил его голос звучать искаженно. Мужчина посмотрел вверх, не понимая услышанных слов, и глаза его уже начали стекленеть в преддверии близкой смерти.

— Тебе повезло, — продолжал Форрикс. — Ты умрешь раньше, чем преобразится Кузнец

Войны. Возблагодари за это своего Императора.

Шум битвы стих; теперь пещера была под их контролем. Терминаторы быстрым шагом прошли мимо Форрикса, с нетерпением предвкушая новые убийства.

Он открыл канал связи с воинами своей роты:

— Нижний уровень форта наш. Пусть остальные подтягиваются.

Форрикс поднял взгляд от умирающего солдата и взошел по лестнице к широким стальным дверям, на которые два его терминатора обрушили всю мощь цепных кулаков, вгрызавшихся в стык между створками.

Туннель наполнился раскаленными искрами, которые каскадом падали на терминаторов, ждавших внизу.

Хонсю пробирался все выше, преодолевая груды мусора и обломков, и под его ногами куски битого камня лавиной осыпались вниз. Из расколотых глыб рокрита, подобно оборванным сухожилиям, торчали погнутые стержни арматуры; воздух стал непрозрачным из-за пыли. Дым то и дело разрывали яркие вспышки лазерного огня со стены, импульсы плавили камень и шипели, отражаясь от поверхности доспехов. Один болт зацепил его наплечник, и Хонсю покачнулся, но тут же продолжил подъем. Под ногами взорвалась граната, смертоносные осколки со звоном срикошетили от брони, но часть из них застряла в поножах.

Он видел, что противник сумел соорудить нечто вроде завала из ржавых балок с заостренными концами; их кое-как сварили вместе, в результате чего на пути атакующих возникла преграда высотой им по грудь. Хонсю понимал, что чем дольше они остаются под огнем, тем меньше у них шансов добраться до бреши. Именно на этом этапе многие штурмы захлебывались, растратив силы на преодоление препятствий и потеряв слишком много людей под вражеским огнем.

У них была только одна призрачная возможность добиться успеха: добраться до бреши одним рывком и уничтожить защитников на парапете. Хонсю оступился на камне и упал, но тем самым избежал гибели от выстрела из лазпушки. В ярости он резко встал на ноги и тут же выругался, увидев, что от бреши вниз по склону с грохотом катится вязанка из трех железных труб, соединенных клейкой лентой.

Он плашмя рухнул на камни, и в тот же момент сработал подрывной заряд. От ударной волны в движение пришли целые пласты каменного мусора, и пока авточувства пытались справиться со вспышкой и грохотом взрыва, Хонсю понял, что съезжает вниз, прочь от бреши. Взрыв оказался такой силы, что вспорол броню и унес жизни двух Железных Воинов. Когда Хонсю вскочил на ноги, его собственный доспех все еще дымился, но он немедленно начал карабкаться обратно к пролому в стене.

Пальба ни на миг не замолкала; камни плавились, землю взрыхлили пули. В доспех попали несколько снарядов, выпущенных из тяжелого болтера, и Хонсю почувствовал ощутимый удар. Один из болтов нашел щель между пластинами наручей, и по его левой руке разлилась боль. Стрелки на северной части бастиона вели смертоносный фланговый огонь по его солдатам; урон, наносимый огневой мощью противника, уже нельзя было игнорировать. На глазах у Хонсю упал еще один Железный Воин, сраженный выстрелом, который оставил в его доспехе дымящуюся дыру.

Вниз по склону от бреши покатилась новая порция гранат. Хонсю рванулся вверх, дотянулся до края завала и использовал его как опору при подъеме. Высоко над головой виднелся серый камень стены. Единственный путь внутрь крепости лежал через брешь в шесть метров шириной, которую орудия пробили в бастионе; клочок красного неба, видневшегося через пролом, манил его, как путеводная звезда.

Слишком медленно! Простые солдаты, присягнувшие Хаосу, уже цеплялись за кромку скалы внизу, а он все еще не добрался до горловины бреши. Обеими руками Хонсю взялся за проржавевшие балки, составлявшие завал, и, взревев, вырвал их с места и отбросил вниз; балки покатились по склону, раздавив по пути с десяток солдат.

До его позиции добрался еще один Железный Воин, и вместе они двинулись вперед, стреляя из болт-пистолетов. Сквозь дым и пыль Хонсю разглядел похожие на тени силуэты, стоявшие наверху у неровного края пролома; их голоса, срывавшиеся на крик, заставляли его двигаться быстрее. Он наугад выстрелил в клубы дыма и услышал вопли боли, означавшие, что болты нашли свою цель.

Он продолжил подъем. Теперь, когда склон становился все круче, ему приходилось хвататься за фрагменты каменной кладки. Один выстрел попал в нагрудник его доспеха, другой вскользь задел голову. Вражеский огонь образовал сплошную стену, лазерные разряды обращали дым в пар. С единственной башни, уцелевшей на передней части бастиона, лился поток пуль, перекрывавший брешь, выстрелы взметали облака каменной крошки, а гранаты с оглушительным грохотом разрывались вихрем осколков. Воин, шедший рядом с ним, упал — от его шлема остался лишь оплавленный кусок металла, — но Хонсю не останавливался, несмотря ни на что, не слыша криков тех, кто умирал вокруг него, не обращая внимания на боевой клич, что рвался из глоток сотен солдат, поднимавшихся следом за ним по скалистому склону.

До вершины бреши оставалось совсем немного; он уже мог различить отдельные силуэты, видневшиеся в дыму. Он увидел, как один из гвардейцев сооружает новый подрывной заряд, подождал, пока солдат не выпрямился, готовясь перебросить взрывчатку через край пролома, и тогда выстрелил ему в голову. Из обрубка шеи брызнула кровь, и труп рухнул вперед, выпустив из неподвижных пальцев уже активированный заряд. Раздался сильный взрыв, Хонсю упал плашмя на склон, а защитников, стоявших на скалах выше, смело взрывной волной. Со стороны бастиона послышались крики и суматошные приказы. Вскочив на ноги, он обнажил меч и, собрав все силы, бросился к черному столбу дыма, который вырос над верхним краем бреши.

На его пути встали двое в небесно-голубой униформе; одним ударом меча он рассек грудные клетки солдат, и, завопив от боли, гвардейцы рухнули на землю. Еще одна группа солдат

спешила закрыть внезапно возникшую дыру в обороне крепости, и Хонсю закричал:

— Железные Воины, ко мне!

Но он был один. Гвардейцы бросились в атаку, и он повернулся, чтобы встретить врага лицом к лицу. Он легко расправился теми, кто шел в первом ряду, но вскоре оказался в полном окружении. Противник наступал стеной, не давая взмахнуть мечом, а трупы павших ограничивали пространство для движения. В отчаянном выпаде Хонсю прочертил мечом кровавую дугу, рассекая тела нападавших; ответом стали выстрелы и удары вражеских клинков, от которых зазвенел металл его доспеха.

Но где же его отряд?

Хонсю глянул вниз, на отлогий склон, спускавшийся от бреши. Там царил настоящий ад: анфиладный огонь с фланка бастиона один за другим косил ряды солдат, идущих на штурм по скалистому подъему. Погибшие исчислялись сотнями, и лазерные разряды и автоматическое оружие немногое оставили от их тел. Северный бастион пока что избежал серьезных повреждений. Над ним тоже взорвалось несколько снарядов, но батареи сосредоточили огонь на этом бастионе, и теперь атакующие платили жизнями за такое решение.

Противник все прибывал, и Хонсю не переставал стрелять, рубить и колоть, обращая защитников крепости в кровавое месиво. Он торжествующе закричал, когда воины его роты наконец взобрались на бастион и начали крушить тех, кто стоял на парапете. Под болтерным огнем люди гибли один за другим, и вот, подобно приливу из крови и стали, Железные Воины захватили парапет бастиона Кейн.

Фигура Хонсю черным силуэтом мелькнула на фоне пламени, которое распространялось по поверженному бастиону, а затем он спрыгнул во внутренний двор. Булыжники, которыми был вымощен двор, раскололись под его весом. Преследуемые по пятам Железными Воинами, солдаты противника бросились к узкой горловине бастиона. Темп штурма сбавлять было нельзя. Пусть атакующим пока сопутствовал успех, на бастионах по обе стороны от только что взятого еще оставались тысячи гвардейцев.

Хонсю бросился в суматоху битвы, стреляя на ходу и добивая мечом тех, кто не успел увернуться. Он заметил, что имперские солдаты направляются к большой траншее у тыльной стороны бастиона. Через траншею был переброшен узкий мост, и теперь перед ним образовался настоящий затор, хотя офицеры в отчаянии призывали солдат не толпиться. Вскоре мост обвалился, раздавив насмерть тех, кому не повезло оказаться под обломками. Некоторые солдаты спрыгнули в траншею и воспользовались укрытием, чтобы открыть ответный огонь по Железным Воинам, но большинство бросились к главной эспланаде[8], где у основания крутого эскарпа примостилась низкая, круглая по форме башня.

Офицеры в черных шинелях и фуражках с кокардами в виде черепов выкрикивали приказы, стараясь заставить своих подчиненных прекратить отступление и для большей убедительности сопровождая приказы выстрелами. Хонсю предоставил им расстреливать собственных солдат, а

сам начал расправу над теми гвардейцами, кто не бросился в бегство. Ночь прорезал нарастающий рев, полный ненависти: то наемники Железных Воинов, перебравшись через стены, рвались во внутренний двор, или спускаясь по лестницам, или просто прыгая вниз. Бастион был, наконец, в их руках; теперь нужно было лишь прорваться дальше.

Из траншеи раздались отдельные залпы лазерного огня, но защитников было слишком мало и отстреливаться они начали слишком поздно: Хонсю добрался до их позиции и уничтожал врагов одного за другим с кровожадной радостью. Его меч разрубил одного гвардейца пополам и обратным ударом выпустил внутренности другому. Укрывшиеся в траншее солдаты отшатывались прочь от ужасного клинка, который оставлял в их рядах кровавую просеку. Расправа над гвардейцами наполнила Хонсю пьянящим чувством превосходства, и он ощутил всю привлекательность награды, которую сулил путь Кхорна.

Железные Воины преодолели траншею, не оставив в ней ни единой живой души. Ярость, которую чувствует тот, кто прошел через ад и выжил, придавала им силы, и любой, кто приближался к ним, был обречен на жестокую смерть.

Майор Гуннар Тедески наблюдал за мясорубкой во дворе из центральной башни Тор Кристо, и в сердце его не оставалось надежды. Его люди гибли, и он никак не мог им помочь. Он пошел на риск, понадеявшись, что орудия внизу остановят безжалостный штурм Железных Воинов, но враг разгадал его уловку, и теперь крепость была практически в руках противника.

План Тедески провалился, и пусть судьба Тор Кристо была давно решена, крепость не должна была так быстро пасть. Это было унизительно. Атакующие пока еще не вышли за пределы бастиона Кейн, но не оставалось сомнений, что вскоре они преодолеют и укрепления в тылу бастиона. Майор знал, что пикты на экранах дистанционного наблюдения были лишь бледным отражением того ужаса, что царил в идущей снаружи битве. В штурме участвовали тысячи людей, и рано или поздно они доберутся и до уязвимых тылов у бастионов Марса и Дракона — это только вопрос времени. Если Тедески ничего не сделает, гарнизон этих бастионов примет бой, но итогом такого боя будет смерть, а смертей на совести майора было уже достаточно.

— Поулсен! — вздохнув, позвал Тедески, вытирая со лба пот и пыль.

— Сэр?

— Сообщи всем командирам рот и кастеляну Вобану: «Небеса рушатся».

— Небеса рушатся, сэр? — переспросил Поулсен.

— Да, черт побери! — рявкнул Тедески. — И пошевеливайся.

— Д-да, сэр, — поспешно кивнул Поулсен и бегом отправился к операторам вокса, чтобы сообщить им кодовый сигнал эвакуации.

Когда его адъютант ушел, Тедески вначале оправил китель, и лишь затем обратился к офицерам, которые остались вместе с ним в командном центре Кристо.

8

Эспланада — свободное пространство внутри крепости.

— Джентльмены, пришло время уходить. Мне горько говорить об этом, но Тор Кристо вот-вот падет. Как ваш командир я приказываю вам: постарайтесь увести как можно больше людей в туннели и пробирайтесь в цитадель. В ближайшие дни у кастеляна Вобана каждый человек будет на счету, и я не допущу, чтобы солдаты бессмысленно погибли здесь, лишив его подкрепления.

Его слова были встречены молчанием, которое затем прервал один из младших офицеров:

— Разве вы не идете с нами, сэр?

— Нет, я остаюсь, чтобы перегрузить реактор. Эта крепость не достанется врагу.

Послышались резкие возражения, и Тедески поднял руку.

— Решение принято, и дальнейшие споры неуместны. Идите же, нельзя терять время!

— Архимагос, Тор Кристо только что послал сигнал «Небеса рушатся», — сообщил Наицин, пристально глядя на защищенный вокс-перехватчик.

— Так скоро? — прошипел Амаэтон. Хотя его плоть давно лишилась способности выражать эмоции, Наицин заметил, что лицо архимагоса на мгновение исказило нечто, сильно напоминавшее неподдельную тревогу.

— Кажется, гвардейцы оказались даже слабее, чем я предполагал, — грустно заметил Наицин.

— Мы должны позаботиться о собственной безопасности! Нельзя допустить, чтобы цитадель пала!

— Нельзя, — согласился Наицин. — Что я должен делать, архимагос?

— Взорви туннель. Немедленно!

Капитан Поулсен торопливо спускался по вырубленным в скале ступеням, неся с собой целую охапку документов и информационных планшетов. Никогда еще он не был так напуган. Раньше ему не приходилось бывать на передовой — его умения управленца и логистика всегда были больше нужны в штабной работе, вдали от линии фронта.

Но на стенах бастиона Кейн он в полной мере испытал тот панический ужас, который несет с собой артиллерийский обстрел, и теперь лишь благодарил судьбу, что ему не пришлось участвовать в бою. В туннелях под командным центром скопились сотни людей: все они направлялись вглубь горы, к широкому, похожему на вход в пещеру жерлу туннеля, который вел к цитадели. Такие же подземные переходы обеспечивали эвакуацию из фланговых бастионов, хотя для солдат бастиона Кейн уже было слишком поздно.

Для того чтобы одни выжили, другие должны погибнуть, и ничего с этим сделать нельзя.

Светильники, подвешенные к потолку, мерцали, давая слабый свет, но и в нем Поулсен разглядел лица своих сослуживцев-офицеров — лица, на которых ясно читалось выражение страха и вины. С потолка постоянно сыпалась пыль, и вентиляционная система натужно работала, с трудом перегоняя горячий, застоявшийся под землей воздух. Наконец, спуск закончился, и туннель расширился, превратившись в большую, почти круглую пещеру, из которой открывались проходы, ведущие в скальный массив в основании Тор Кристо. Их уже заполнил людской поток: это были солдаты с бастионов Марс и Дракон, и военные полицейские в желтых шинелях пытались хоть как-то внести порядок в их отступление — впрочем, с небольшим успехом. Приказ майора Тедески к отходу исполнялся со всей спешностью.

В одной из стен виднелись четыре огромные взрывоустойчивые двери, ведущие к лифтам, а дальше по ходу движения пещера сужалась и переходила в хорошо освещенную подземную магистраль шириной почти в двенадцать метров и с потолком на высоте семи.

Обычно этот уровень крепости использовался для перемещения орудий и боеприпасов из Тор Кристо в цитадель и обратно, но по связующим туннелям могли с легкостью пройти и войска. Поулсен начал проталкиваться сквозь потную толпу, в которой то и дело слышались оглушительно громкие крики солдат и команды полицейских. Волнующаяся людская масса двинулась к главному туннелю, и Поулсен почувствовал, что поток увлекает его за собой. Чей-то локоть больно ткнул его в бок, он вскрикнул и выронил планшеты, которые держал в руках.

Привычки чиновника взяли свое: он опустился на колени, чтобы их собрать, и тихо выругался, когда чей-то сапог прошелся по ближайшему планшету, оставив от него только осколки. Кто-то схватил его и резко потянул вверх.

— Забудь! — проворчал мрачный полицейский. — И не останавливайся.

Поулсен уже собирался возмутиться по поводу столь бесцеремонного обращения, но вдруг земля задрожала, и встревоженные вскрики эхом разнеслись по пещере. С потолка обрушился настоящий пыльный дождь, а затем наступила напряженная тишина.

— Что это было? — выдохнул Поулсен. — Артиллерия?

— Нет, — шепотом ответил военный полицейский. — Здесь, внизу, артобстрел не услышишь. Что-то другое.

— Но что?

— Не знаю, но звучало это погано.

Новая, более сильная вибрация сотрясла пещеру, за ней последовала еще одна. Тревожные возгласы превратились в крики ужаса, и Поулсен увидел, что из главного туннеля на них несется ослепительный оранжевый шар, сопровождавшийся оглушительным свистящим шумом. Поулсен непонимающе уставился на эту картину. Что происходит?

Его откровенное недоумение длилось недолго — до чьего-то пронзительного крика:

— Кровь Императора, они взорвали туннель!

Взорвали туннель? Немыслимо. Здесь же все еще находятся люди. Кастелян Вобан никогда бы не отдал такой приказ. Не может быть.

Сотни солдат в панике развернулись и, безжалостно расталкивая товарищей, попытались спастись бегством по проходам, из которых недавно вышли. Подобно обезумевшему от страха стаду, джуранцы бросились прочь из рушащегося туннеля, и тех, кто упал, просто затоптали.

Вновь выронив планшеты, которые он только что собрал с пола, Поулсен, спотыкаясь, попятился, не думая больше о сохранности документов. Подрывные заряды срабатывали один за другим по всей длине туннеля, и на гвардейцев, попавших в западню, падали тысячи тонн горной породы.

Пошатываясь, Поулсен направился к туннелю, из которого недавно вышел, — туннеля, под завязку забитого людьми, и чтобы пробиться к спасению, Поулсену приходилось расталкивать тех, кто стоял перед ним.

Внезапно главный туннель утонул в волне огня и грохота; из устья его вырвался шквал обломков, и сотни людей мгновенно погибли. Поулсен услышал зловещий треск над головой и, отшвырнув в сторону человека, шедшего перед ним, протолкнулся еще немного вперед. Но тут сработал заряд, установленный в центре пещерного свода, на солдат обрушились крупные фрагменты скалы, и весь потолок пещеры рухнул.

Поулсен закричал, когда обвалом его сбило с ног, а затем его череп раскололся, а от тела осталось лишь месиво.

Такая же смерть ждала почти три тысячи людей, оказавшихся под землей. Туннель, соединявший цитадель и Тор Кристо, бы запечатан.

Не отрываясь от экрана пикт-дисплея, майор Тедески глотнул амасека прямо из бутылки. Экран показывал, что происходило снаружи командного центра: тысячи солдат в красной униформе заняли все стены крепости. Армия врага заполонила бастионы Марс и Дракон, и теперь солдаты кричали и палили в воздух, празднуя победу. Тедески в ярости наблюдал, как его гвардейцев, попавших в плен, выстраивают вдоль стены для расстрела или сгоняют в траншеи, чтобы потом сжечь из огнеметов. Никогда еще майора не охватывала столь жгучая ненависть, и он мрачно улыбнулся, представляя, как отправит этих мерзавцев в ад.

Он сделал еще глоток и медленно кивнул. В командном центре остались только он и магос Йеледе, сейчас сидевший в углу с удрученным видом. Получив приказ остаться, техножрец попытался возразить, но Тедески дал ему всего два варианта — или подчиниться, или быть расстрелянным на месте.

Майор допил амасек и отвернулся от экрана, чтобы не видеть, какие зверства творились в стенах его крепости. Схватив Йеледе за грудки, он поднял магоса на ноги.

— Давай, Йеледе. Пора отрабатывать твой паек.

Несмотря на сопротивление магоса, Тедески заставил его покинуть командный центр и потащил за собой по лабиринту коридоров. Они миновали множество опломбированных дверей, а затем на лифте, доступ к которому контролировался особым ключом, спустились в помещение глубоко под крепостью, в котором располагалась силовая установка. Когда лифт, громыхая, опускался, кабину ощутимо встряхнуло, свет мигнул, и послышался скрип металла, царапавшего стены шахты.

— Какого черта?.. — заговорил было Тедески, но лифт снова пришел в движение.

Как только двери открылись, майор вытолкнул Йеледе в коридор с безликими серыми стенами, который вел в реакторный зал. Тедески попытался связаться по воксу с капитаном Поулсеном и остальными ротными командирами. Безуспешно. Тревога его нарастала.

Мощная ударная волна наводила на мысли о каком-то сильном подземном взрыве, и Тедески знал только одну причину, способную вызвать такой взрыв. Но не мог же кастелян Вобан разрешить представителям Адептус Механикус разрушить туннель и, тем самым, перекрыть тысячам людей путь к отступлению? Тедески нутром чувствовал, что случилось что-то ужасное, но изо всех сил продолжал надеяться, что его подозрения безосновательны.

Наконец они добрались до главного входа в реакторный зал, и Тедески посторонился, давая техножрецу возможность ввести код доступа. Но Йеледе не двинулся с места.

— Открывай эту проклятую дверь!

— Не могу, майор.

— Это еще почему?

— Мне приказано не допускать разрушения этого объекта.

Тедески отбросил Йеледе к стене и достал болт-пистолет.

— Или открывай дверь, или я тебе мозги вышибу!

— Майор, ваши угрозы бесполезны, — возразил Йеледе. — Вышестоящие силы дали мне священный приказ, и я не могу его нарушить. Это железный закон.

— А мой пистолет стреляет болтами калибра 19 миллиметров с диамантиновым наконечником и сердечником из обедненного дейтерия, и если ты сейчас же не откроешь дверь, то один из них окажется в твоем так называемом мозгу. Так что шевелись!

— Я не могу… — снова начал протестовать Йеледе, но вдруг весь коридор заполнил оглушительный скрежет рвущегося металла. Огромный, окруженный электрическим разрядом кулак пробил двери лифта, и из кабины в коридор, сразу же ставший неуютно тесным, шагнул настоящий гигант.

Новоприбывший был почти три метра ростом, и когда он вышел в освещенную часть коридора, сердце Тедески бешено застучало. Гигант был закован в стального цвета терминаторскую броню с шевронами из черных и желтых поперечных полос; на поверхности доспеха виднелись пятна крови. Шлем в виде шакальей головы с оскаленной пастью; на оплавленном нагруднике — маска-череп, символ Железных Воинов.

Захныкав от страха, Йеледе увернулся от Тедески и быстро прижал ладонь к идентификационной панели.

— Благословенная Машина, молю тебя открыть доступ недостойному слуге твоему в святая святых, где бьется твое сердце, — испуганной скороговоркой произнес он.

— Быстрее же, во имя Императора! — прошипел Тедески. Тяжелым шагом терминатор двинулся в их сторону.

Еще несколько воинов вышли из разбитой кабины лифта и последовали за своим командиром. Тедески выпустил короткую очередь по врагу, но тяжелые доспехи для болт-пистолета были неуязвимы.

Двери в реакторный зал плавно раскрылись; Тедески и Йеледе поспешно проскользнули

внутрь, сразу же закрыв их за собой. Майор подтолкнул Йеледе к центру зала; там на высоком возвышении, окутанном пульсирующей энергией, десять толстых латунных стержней уходили в проложенные в полу каналы.

Магос не переставал сопротивляться, но Тедески подтащил его к конструкции и приставил к голове пистолет.

— Будешь и дальше мне мешать — пристрелю. Понял?

Те части лица Йеледе, где еще оставалась органическая плоть, исказились от страха, и он кивнул. На двери обрушилась череда оглушительных, как гром, ударов, и магос в ужасе вздрогнул: створки уже начали прогибаться вовнутрь. Со всех ног он кинулся к латунным стержням и прижал ладонь к верхушке первого из них, проворачивая его вокруг своей оси и сопровождая эту манипуляцию покаянной молитвой Омниссии. Затем он поднялся на платформу в центре возвышения и повернул несколько зубчатых дисков.

В облаке шипящего пара первый стержень выдвинулся из канала в полу; Тедески старался сохранять спокойствие. Взвыли сигнальные сирены, и из пары динамиков, установленных на платформе, полился поток слов, смысла которых Тедески не понимал.

— А побыстрее нельзя? — нетерпеливо поторопил он, заметив, что дверь еще больше прогнулась внутрь.

— Быстрее не могу. Если не успокоить духов машины, обитающих в реакторе, соответствующими ритуалами, я не смогу убедить их оказать нам помощь.

— Тогда не трать время на разговоры со мной, — огрызнулся Тедески. В дверь опять как будто ударили молотом.

Форрикс ударил силовым кулаком по створкам двери и почувствовал, что многослойная металлическая преграда наконец начала поддаваться. Он знал, что времени почти не осталось. Магос, взятый в плен Кузнецом Войны, рассказал им, что командующий обороной Тор Кристо может уничтожить крепость, и сейчас Форрикс не питал никаких иллюзий касательно того, чем были заняты эти двое в реакторном зале.

Воинам, стоявшим в ожидании за его спиной, не терпелось расправиться с добычей и приступить к восстановлению оборонительной системы крепости. Форрикс еще раз ударил по двери, и металл смялся под его кулаком. Схватившись за покореженные края, он потянул створку двери на себя и, победно взревев, сорвал ее с креплений. Сквозь обнажившийся дверной проем было видно, что магос в белой мантии совершает какие-то манипуляции с механизмом, расположенным в центре зала, а рядом с ним стоит однорукий офицер Имперской гвардии. Офицер выстрелил из болт-пистолета, но Форрикс лишь широко улыбнулся, услышав, как под снарядами зазвенел металл его тяжелого доспеха. Уже много веков у него не было этого ощущения, но теперь он вспомнил, как оно называется: боль.

Подняв собственное оружие, Форрикс выпустил короткую очередь в спину магосу. Выстрелы превратили туловище человека в кровавое месиво и отбросили труп с платформы.

Офицер развернулся и бросился к центральной платформе. Неуклюже действуя одной рукой, он безуспешно попытался вытащить латунные стержни и завершить то, что начал магос. Эти попытки вызвали у Форрикса смех; он выстрелил офицеру в ногу, и тот рухнул на пол, крича от боли. Отключив энергетическое поле вокруг кулака, Форрикс поднял вопящего гвардейца и швырнул его одному из своих терминаторов, стоявших наготове, а затем поднялся на платформу.

План офицера почти сработал. Еще несколько минут — и от Тор Кристо остались бы только оплавившиеся развалины, не имеющие никакой ценности. Двумя выстрелами Форрикс заставил динамики умолкнуть, и тревожные сирены затихли.

— Верните стержни на место, это предотвратит взрыв реактора, — приказал он и вышел из зала.

Тор Кристо пал.

http://tl.rulate.ru/book/30591/675080